

«Сияющий Восток»: парадоксы глобализации нестабильных социумов

Сегодня трудно найти более модную и дискуссионную тему, чем глобализация. Ей посвящены десятки конференций и симпозиумов, сотни книг, тысячи статей. О ней спорят не только ученые, но и политики, бизнесмены, религиозные деятели. Однако обилие мнений, подходов, оценок вовсе не идентично основательной концептуальной проработке данной темы. Здесь пока гораздо больше вопросов, чем ответов.

Одной из центральных проблем, которые ставит перед нами глобализационная стратегия как базисный императив современного социального развития, является отношение к ней в странах Востока.

Как известно, идейно-политическая репрезентация глобализма была связана с провозглашением доминанты либеральных ценностей и целей развития. Среди них выделялись следующие социокультурные приоритеты:

- права человека имеют основополагающее значение в любой социальной системе;
- демократия всегда предпочтительнее в сравнении с иными формами социальной организации;
- рынок эффективнее плановой экономики;
- открытость и социальные коммуникации лучше изоляционизма и традиционных технологий общения.

Эти и другие ценности, активным генератором и пропагандистом которых выступил Запад, призваны были утвердить в мировом общественном мнении безусловную приоритетность неолиберальной стратегии развития. В связи с этим важно различать глобализацию как объективное явление, обусловленное реальной трансформацией информационно-технологических и производственных процессов в современном обществе, и политику неолиберального глобализма, которая базируется на принципах «Вашингтонского консенсуса» и ориентирована на универсализацию практики рыночной экспансии поверх национальных границ и государственных интересов. Идеологи неолиберализма охотно используют понятие глобализации в целях доказательства естественности и безальтернативности тех социальных изменений, которые реализуются в рамках неолиберальной трансформации сложившихся технологий и форм производственной деятельности. Однако эта стратегия социодинамики все более осязаемо обнаруживает свою глубинную противоречивость и цивилизационную бесперспективность. Она не только консервирует глобальное неравенство как атрибут современного мира, но и стимулирует его прогрессивную динамику. По данным экспертов ООН, доходы только лишь одного процента населения мира, относящегося к его самой богатой части, равны доходам 57% беднейших жителей планеты.¹

Чудовищная поляризация богатства и бедности, непримиримая борьба за ресурсы и рынки сбыта, невиданная по своим масштабам и цинизму

¹ Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С. 15.

культурная экспансия Запада – эти и другие атрибуты политики неолиберального глобализма вызывают вполне объяснимый протест в различных странах и регионах современного мира, способствуют разрастанию самых радикальных форм социального экстремизма и фундаментализма.

Экономический рост, который был достигнут странами Юго-Восточной Азии, Китаем, Японией в последние десятилетия XX века породил множество оптимистических прогнозов относительно перспектив развития этих восточных обществ и превращения их в доминирующих субъектов мировой социодинамики в соответствии с глобализационными сценариями. Многие из этих прогнозов приобрели статус устойчивых убеждений и идеологических мифов.

Так, например, сторонники практики ускоренных или догоняющих модернизаций (особенно широко представленные среди российских авторов) склонны чрезвычайно высоко оценивать экономические успехи Китая, одним из проявлений которых является бурный рост объема производимого ВВП. Считается, что эта экономическая тенденция убедительно подтверждает эффективность рыночной трансформации хозяйства в условиях сохранения роли государства и его влияния на экономику. Существуют оценки, согласно которым размер китайского ВВП достиг 80% от ВВП США по состоянию на начало 1999 года и уже к 2006 году превзойдет американские показатели.² Однако более глубокий экономический анализ свидетельствует, что для таких выводов нет достаточных оснований. Как правило они базируются на произвольных допущениях о паритете покупательной способности китайской и американской валют, а также не учитывают фактора крайне низких цен на китайском внутреннем рынке. Отсюда результаты оказываются завышенными в несколько раз. Именно поэтому, как считает один из американских экспертов У. Грейдер, если прибегать к измерениям в твердой валюте, как единственно значимому критерию в мировой экономике, то мнение, согласно которому Китай является третьей или четвертой экономикой мира, способной догнать США за 10-15 лет, оказывается просто нелепым.³

Если принимать во внимание резкое ускорение в развитии западных стран, сориентированных на ценности постиндустриализма, оценивать реальные масштабы роста их экономик, то вполне можно согласиться с мнением Л. Туроу, который считает, что даже через сто лет, к 2100 году, Китай сможет обеспечить своему населению средний душевой доход на уровне 70% японского, если рассчитывать его с учетом паритета покупательной способности юаня, и всего лишь 20% такового, если принимать в качестве основы для расчетов реальный обменный курс. Поэтому предполагать, что КНР, находящаяся сегодня на стадии активной индустриализации, сможет шагнуть в постиндустриальный мир, -- значит

---

² См. Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000. С. 228.

³ Greider W. One World, Ready or not. The Magic Logic of Global Capitalism. N.Y., 1997. P. 32.

придерживаться одной из иллюзий, которым пора бы рассеяться вместе с мифом о возможном доминировании азиатских экономик в XXI веке.⁴

Этот пример лишний раз свидетельствует в пользу принципиально значимого вывода относительно того, что экономическая глобализация крайне неравномерно протекает в странах Востока и Запада. В информационно-коммуникационной сфере, торговле, развитии финансовых рынков и технологий она происходит поистине впечатляющими темпами. Но при этом она не затрагивает многие регионы, страны, слои населения и этнотерриториальные комплексы. В одних отношениях мир растет как единое целое, в других – распадается на части, радикально несоизмеримые между собой и все более осязаемо вступающие в фазу активной конфронтации и взаимного противодействия. Сегодня самые богатые 20% населения Земли имеют в 90 раз больше дохода, чем 20% беднейшего населения. Совокупное состояние более чем 500 миллиардеров мира составляет примерно 1100 миллиардов долларов США, что равно половине совокупного состояния 50% населения планеты.⁵ Эти и другие факты определенно свидетельствуют о том, что глобализация являет собой внутренне противоречивый и социально неоднозначный процесс глубокой трансформации современного миропорядка.

Сегодня уже не отдельное государство (даже, если это самая могущественная держава современности), и не группа государств – претендуют на господство и лидерство в современных процессах глобального переустройства мира. Эта роль все более осязаемо переходит к хорошо и эффективно организованным социально-экономическим институтам, среди которых явно доминируют финансовые рынки. В соответствии с этой тенденцией социокультурный дрейф Запада направлен не в сторону традиционных либеральных ценностей, а скорее в противоположном направлении – к формам эффективной управляемости процессами экономической глобализации и изоциренным технологиям манипуляции общественным и индивидуальным сознанием. Эти процессы весьма далеки от романтических планов братского демократического единения народов, мирового гражданства и интеграции наций в новое глобальное сообщество. Мировая элита при этом делает ставку на тотальную финансово-правовую регуляцию экономической жизни с помощью изоциренной системы квотирования и рентных платежей. Иными словами, речь идет о долгосрочном и эффективном планировании масштабного перераспределения ресурсов и совокупного мирового дохода в качестве основного источника системной прибыли.

Так, вопреки эгалитарным декларациям постиндустриальной романтики формируется образ новой глобальной иерархии, призванной воплотить в действительность проект многоярусного сословного мира, в котором власть и ресурсы должны принадлежать тем, кто владеет современными технологиями управления и социального контроля.

---

⁴ Иноземцев В.Л. Пределы «догоняющего» развития. М., 2000. С.229–230.

⁵ Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен). М., 2004. С. 48.

Конечно, такая стратегия глобализации, выражая прежде всего интересы международных финансовых центров и экономических мегаструктур, противоречит интересам многих развивающихся стран, в том числе и тех кто оказывается в эпицентре глобализационных изменений на рубеже XX и XXI столетий. В этом отношении весьма поучительным является опыт социальных модернизаций в ряде стран Востока, которые проходили под лозунгом «сияющий Восток» символизирующим цели социокультурной интеграции восточных обществ в структуру глобализирующегося мира.

Рассмотрим, каким образом эта программа обнаружила свою несостоятельность во время подготовки и проведения парламентских выборов в Индии в 2004 году.⁶ Результаты этих выборов вызвали широкий резонанс не только в странах Востока, но и во многих регионах мира. Это объясняется как тем, что казалось безусловный лидер, правящая БДП (Бхаратия джаната партия), потерпела сокрушительное поражение, так и глубоко символическим событием, когда большинство миллиардного населения Индии проголосовало против процесса глобализации, его целей и ценностей. Целью предвыборной кампании, проходившей под лозунгом «Сияющая Индия» и разработанной за 100 млн. долларов американским рекламным агентством «Grey Global Group», было формирование у населения позитивного отношения к происходящим в Индии изменениям и ценностям западного образа жизни. Символами этих изменений стали современные автомагистрали, скоростные машины, стимулирование потребительского спроса и нового качества жизни. Всячески популяризировались также масштабные экологические проекты, предполагавшие изменения русел индийских рек для создания единой водной системы. И все это было отвергнуто, поскольку явно противоречило многим нормам и принципам традиционной индийской культуры. Программа БДП была нацелена на формирование позитивного отношения к чуждым для индийского населения ценностям, которые не вписывались в традиционные представления и ритуалы. Известно, что реки нередко рассматривались в индийской культуре как божества, и поэтому экологический радикализм техногенных проектов их искусственного поворота воспринимается массовым сознанием как свидетельство непозволительного вмешательства человека в совершенные ритмы природы.

Потребительский подход к прогрессу, игнорирующий экологические факторы развития, традиционно оценивался в индийской культуре как выражение нравственной деградации и недостойного стиля жизни. Быть индийцем всегда означало придерживаться высоких традиций самопожертвования (*tapasya* – тапасья), отказа от власти и наград (*nishkama karma* – нишкама карма). Глобализация среди индийских крестьян ассоциировалась с развитием потребительского мышления, неумной жадностью предпринимателей и промышленных корпораций,

---

⁶ См.: Шива Вивекананда. Культурное многообразие, устойчивое развитие и демократия в Индии. // The Green Cross Optimist, Лето/2004. С. 27–30.

нестабильностью и снижением жизненных стандартов для большинства сельского населения. Так, если в 1997-1998 годах в Индии на душу населения приходилось 174,3 кг продовольственного зерна, то в 2002-2003 годах этот показатель снизился до 157,7 кг. Падение цен на сельхозпродукцию, вызванное реформированием экономики по рецептам Всемирного банка и МВФ, привело к ежегодным потерям в 26 миллиардов долларов, что напрямую сказалось на положении индийских крестьян, составляющих основную часть населения страны.

Опыт Индии по освоению экономических и социокультурных стандартов идеологии глобализма убедительно продемонстрировал то, что для мирового капитала и транснациональных корпораций понятие «открытая экономика» вовсе не тождественно понятию «открытое общество». Подлинной целью глобализации является эффективный контроль над национальными ресурсами и безусловный приоритет экономических и финансовых интересов господствующих в мировом сообществе мегаструктур. А это означает, что такая идеология развития вступает в очевидное противоречие с культурными и нравственными императивами модернизирующихся обществ. «Нам нужно не такое общество, в котором процветает страсть к накопительству и потреблению, жадность, а такое, которое бы способствовало наступлению мирного тысячелетия, когда нашлось бы место для различных видов живых существ и различных культур, которые смогли бы развиваться, исходя из своих особенностей. Я называю эту альтернативу «Земной демократией».⁷

Понятие «Земной демократии» органично коррелирует с традиционными ценностями индийской культуры, предполагая значительное расширение сферы демократических отношений и переход от власти, основанной на доминировании, к власти, базирующейся на самоорганизации и самоуправлении (*swaraj* – сварадж), а также опору на собственные ресурсы и внутрисистемное развитие (*swadeshi* – свадеши).

Согласно принципам «Земной демократии» особое место должно быть отведено понятию сочувствия. Причем сочувствие распространяется не только на людское сообщество, но также и на все живое, на мир природы, данный человеку для мудрого постижения и сохранения во имя торжества жизни на планете.

Таким образом, глобализационный сценарий развития, представленный в форме политической программы «Сияющая Индия» обнаружил свою не только экономическую, но и социокультурную несостоятельность и уязвимость применительно к задачам подлинной модернизации современного индийского общества. Характерно, что экологические параметры и критерии этой несостоятельности составили важнейшую компоненту социальной практики глобализма как проекта либерального реформирования Индии и интеграции ее в так называемую «открытую экономику».

---

⁷ Там же. С.30.

Аналогичные процессы могут наблюдаться и в современном Китае, который, проводя политику фронтальной индустриализации, сталкивается с серьезными проблемами в сфере экологии и сохранения природной среды обитания.

В последние годы Китай пережил впечатляющий прогресс, который позволяет сегодня многим экспертам утверждать, что эта огромная азиатская держава успешно интегрируется в глобализирующийся мир. Достаточно сказать, что средние значения темпов прироста ВВП в последние два десятилетия превышали в Китае 10% в год. Весьма быстро возросли объемы экспорта, причем значительная его часть направлялась в страны постиндустриального мира. Страна достигла самообеспеченности продовольственными товарами и сегодня успешно интегрируется в мировую информационную экономику. Китай все более обоснованно претендует на статус мощной региональной сверхдержавы, стремительно вытесняя Японию на вторые позиции в Азиатско-Тихоокеанском экономическом пространстве. Феномен быстрого хозяйственного роста стал отличительной чертой китайского «экономического чуда».⁸

Однако какой ценой достигнуты эти впечатляющие успехи, за счет каких материальных и духовных ресурсов удалось Китаю реализовать программу интенсивного экономического роста, ориентируясь на ценности и цели глобализационных сценариев развития? Стремление к максимально высоким темпам экономического роста привело Китай в последние годы XX столетия к хищническому истреблению природных ресурсов и фронтальному ухудшению качества окружающей среды. Только с 1957 по 1988 год в Китае было потеряно более 16 млн. га сельскохозяйственных земель, что составило почти 14,5% всех посевных площадей.⁹

В настоящее время население Китая в пять раз превосходит по численности население США, в то время как площадь земель сельскохозяйственного использования составляет лишь одну десятую от площади земель, возделываемых в США. В глобальном отношении Китай для обеспечения 22% населения Земли обладает лишь 7% мировых запасов сельхозугодий и 7% мировых запасов пресной воды.¹⁰

Эти особенности природно-климатических и демографических условий Китая обнаруживали свое лимитирующее влияние на всем протяжении развития китайской цивилизации. В существенной степени они повлияли на формирование базисных оснований традиционной китайской культуры, которая еще в I тысячелетии до н.э. Вполне рельефно воплощает тенденцию доминирования устойчивых и стабильных технологий социального воспроизводства над инновационными ценностями и стилями жизни. И всякий раз, когда в Китае ослабевали регламентирующие функции традиционной культуры и размывались ритуализированные формы

---

⁸ Иноземцев В.Л. Указ соч. С.199–201.

⁹ Ласло Э. Указ. соч. С.51.

¹⁰ См.: Smil V. China's Environmental Crisis. An Inquiry into the Limits of National Development. N.Y.–L., 1993. P. 55–56.

поддержания гомеостатических механизмов хозяйственно-бытового уклада жизни, наступали трудные времена, реальной становилась перспектива социально-экологических кризисов и нравственных катаклизмов. В этом смысле традиция на всем протяжении китайской истории выполняла уникальную роль социокультурной стабилизации нововведений в хозяйственной и духовной практике, которые китайское общество ассимилировало в процессе освоения нового социального опыта.

В определенной мере этот тезис находит свое подтверждение в индустриальной практике современного Китая. Перспектива его возможной интеграции в глобальное пространство экономических и коммуникационных взаимодействий со странами постиндустриального Запада и на основе инновационных ценностей техногенной западной культуры создает ситуацию социально-экономической нестабильности и угрозы разрушения механизмов устойчивого развития китайского общества.

Освоение интенсивных технологий сельскохозяйственного производства в Китае привело к беспрецедентному разрушению традиционных форм воспроизводства и сохранения земель. Уже сегодня из 100 млн. га обрабатываемых площадей 10% подвержено сильному загрязнению химическими удобрениями, около 30% относится к эрозированным почвам вследствие постоянного дефицита воды, почти 4% земель сельскохозяйственного использования ежегодно опустынивается. В результате, по мнению многих экспертов, уже к 2020 году Китай может оказаться самым крупным в мире экспортером продовольствия, поскольку снижение продуктивности сельского хозяйства и продолжающийся рост населения создают весьма опасную перспективу не только в региональном, но, возможно, и глобальном масштабе.

Не менее драматично складывается ситуация и в промышленном секторе китайской экономики. Индустриальное загрязнение окружающей среды во многом определяется национальной спецификой производства энергии в этой стране. 75% ее производится за счет сжигания угля. В результате на 40% территории современного Китая регулярно выпадают кислотные дожди. Уголь, сжигаемый Китаем, ежегодно добавляет в атмосферу больше выбросов сернистого ангидрида и оксидов азота, чем их сокращается за счет использования природоохранных технологий во всех странах ОЭСР, вместе взятых.¹¹

Около 85% промышленных стоков и более 90% городских бытовых стоков сбрасываются в реки, озера и моря без предварительной очистки. 80% речных вод и 45% грунтовых вод загрязнены, а 76% запасов питьевой воды не удовлетворяют минимальным требованиям санитарного и медицинского контроля.¹²

Эти и многие другие факты позволяют сделать вывод о том, что феномен «китайского экономического чуда», во многом инициированный стремлением Китая стать сверхдержавой в XXI столетии и оседлать

¹¹ См.: Иноземцев В.Л. Указ. соч. С. 224.

¹² Ласло Э. Указ. соч. С. 52–53.

механизмы экономической глобализации, чреват в недалекой перспективе системным экологическим кризисом и социальным хаосом. Утрата традиционных ценностей как императивов социальной стабилизации, приверженность инновационным соблазнам новых технологий познания и деятельности, всегда были сопряжены в Китае с периодами смуты и неопределенности. Накопленный за тысячелетнюю историю социокультурный опыт адаптации технологических и духовных нововведений в рамках традиционных форм регуляции жизнедеятельности общества представляет собой уникальное достояние не только китайской культуры, но и восточной цивилизации в целом. Безусловно, этот опыт должен быть востребован и творчески использован в современных условиях, когда порожденные Западом модели глобализации все более очевидно обнаруживают свою антигомеостатическую и деструктивную сущность и ставят мировое сообщество на грань социально-экологической катастрофы.

Задача адекватного осмысления и аутентичной интерпретации экологической мысли Востока является поистине грандиозным духовным и методологическим проектом. Ее решение, пусть даже на уровне первичной аппроксимации и конвенциональных допущений, предполагает системную реконструкцию необозримого духовного наследия восточных цивилизаций, рассмотренного в аспекте экологических проекций и приоритетов в жизнедеятельности традиционных обществ Востока. Но еще более сложной и ответственной задачей является адекватная интерпретация этого наследия, раскрытие его социокультурного и экологического потенциала в современной ситуации полилога культур и различных национальных традиций.

По мнению многих ученых и экспертов, XX век вошел в историю и как век торжества экологии и невиданной экспансии экологического стиля мышления и деятельности. Именно в культуре XX столетия экологическая проблематика впервые конституируется как одна из доминантных и парадигмальных ориентаций в развитии науки и философии, искусства и морали, права и экономики. Она начинает интенсивно осваиваться в формах реальной мировоззренческой практики массовых общественных движений и гражданских инициатив. Не только наука, но и практически все сферы универсума культуры испытывают на себе влияние экологических ценностей и стилей жизни. В этих условиях тотальной экологизации культуры очень важно опереться на огромный исторический опыт, накопленный человечеством на протяжении тысячелетней истории в сфере отношений человека и природы. Попытка эксплицировать и адекватно выразить этот опыт в формах экологических идей и представлений в культурах разных эпох и народов составила основную цель многотомной антологии «Экологическая мысль народов мира».

Однако не менее важной многоаспектной задачей является адекватная адаптация этого опыта в современных условиях перехода цивилизации в иное качественное измерение от «Логоса к Холосу»¹³, когда

¹³ См.: Ласло Э. Указ. соч. – С. 108–109.

контрпродуктивная, механистическая рациональность окончательно исчерпывает свои социокультурные ресурсы и требует замены на более гуманную и универсальную форму экологического мировоззрения. А это уже задача нового тома антологии экологической мысли в условиях современной эпохи, когда социокультурный образ глобализации объединяет народы и континенты и ставит перед мировым сообществом поистине сакраментальные задачи выживания человечества перед лицом беспрецедентной в истории цивилизационной бифуркации.

А. И. Зеленков